



Официальный сайт

Следственный комитет Российской Федерации

Интервью руководителя Следственного управления СКР по Иркутской области ИА "ИркСиб"

«Уникальный регион»: генерал Андрей Бунёв об Иркутской области и о преступности в ней





Официальный сайт

Следственный комитет Российской Федерации

Руководитель иркутского Следкома дал большое интервью «ИркСибу».

Руководитель иркутского Управления СУ СКР Андрей Бунёв охотно дает развернутые интервью, в них он приводит цифры и факты, которые подробно рассказывают о результатах работы возглавляемого им Управления. Вы без труда найдете их в сети. «ИркСиб» попросил генерала поговорить и о чем-нибудь другом, на что сразу получил ответ «О чем угодно».

- Андрей Юрьевич, на рубеже 15-16 годов вы заметно оживили информационное пространство своими заявлениями. Некоторые даже предположили, что в регионе появился новый политический игрок, но потом вы так же резко прекратили что-то комментировать. Почему?

- Не совсем согласен. Иркутская область – уникальный регион. Это третий регион моей службы. И в двух предыдущих все было по-другому. Здесь, когда делаешь обыкновенное заявление, его расценивают, как политическое. Ловишь мэра на взятке – расценивают, как политический заказ. Но я не занимаюсь политикой, как и возглавляемое мной управление, и не делаю политических заявлений. Мои заявления – про суть, а не про политику. Если их в регионе кто-то расценивает иначе, то что же я могу поделать. Что же касается интервью, то они выходят, в среднем, один раз в полгода и, на мой взгляд, их содержание не изменилось.

- Тем не менее на них оглядываются. А Следком при принятии каких-то резонансных решений оглядывается на реакцию общественности? Мы помним, как люди массово вступились за мэра Ольхонского района Сергея Копылова. Сейчас проходят митинги в поддержку Дмитрия Матвеева и о недопустимости его нахождения в СИЗО.

- На ход расследования уголовных дел общественные акции абсолютно не влияют. Было бы невозможно работать, оглядываясь на материалы порталов, прессы, соцсетей, на сплетни. Одна из немногих причин митинга, на которую мыотреагируем – это если на улицы выйдут обманутые люди, которым не платят заработанные деньги либо подобные поводы. Тогда реакция будет очень быстрой и очень жесткой. Что касается почти всех остальных протестов в обществе и в СМИ, то предположу, что и публикации, в которых это утверждается, и пикеты далеко не всегда происходят на безвозмездной основе.



Официальный сайт

Следственный комитет Российской Федерации

- То есть политические заказы – это не про иркутское Управление?

Я работаю здесь пять лет. Если вы считаете, что Управление и я, как его руководитель, хоть раз за это время поддались чьему-то давлению для возбуждения или невозбуждения любого резонансного дела, расскажите – я готов объясниться. Вы сами видите, когда есть деньги на акции, есть общественная реакция и резонанс. Когда деньги заканчиваются, или их перестают вкладывать, резонанс пропадает.

- Но в чем все-таки была необходимость изолировать Дмитрия Матвеева?

- В вопросе Матвеева есть безусловные основания для содержания под стражей. Не могу разглашать детали следствия, но нужно учитывать, что состав, по которому его задержали и предъявили обвинение, крайне дерзкий – нечасто к нам привозят жителей других регионов, чтобы их руками кого-то изъять из общественного пространства, и куда-то увезти, чтобы под физическим давлением решить свои вопросы. Так же не могу комментировать состояние его здоровья, но вся необходимая медицинская помощь ему оказывается, согласно установленным регламентам. Это не первый в истории Иркутска случай, когда инвалид-колясочник попадает в СИЗО, и стандартный случай для российской практики. Информация о том, что он находится там в жутких условиях, и что беспомощного человека закатили в камеру и оставили наедине с собой и без помощи – это неправда. Сейчас Матвеев проходит медицинское обследование, и по его результатам станет понятно, будет ли он находиться под стражей и дальше. Кроме того, мне кажется, у нас нет необходимости держать его под арестом на последующих этапах следствия. Но это мое личное мнение, у следователя может быть другое.

- Насколько вообще распространена практика смягчения меры пресечения?

- Еще несколько лет назад на суд около 90% обвиняемых по нашим делам являлось под охраной. Сегодня мы на первоначальных этапах следствия арестовываем примерно шесть человек из десяти. А в суд под стражей идут двое-трое из десяти. Теперь очень часто бывает так, что мы отработываем ключевые вопросы на начальном этапе, и когда арестованный уже ни на какие из полученных данных не может повлиять, его отпускают под домашний арест или под подписку о невыезде.

- А бывают ситуации, когда есть, за что садить человека, но поймать его не получается?

- Жизнь – это такая история, в которой не нужно считать себя провидцем. Следователь, наверное, также не провидец и не может знать, совершил ли на самом деле человек преступление, пока его вина не доказана. Если доказательств достаточно, и они безусловны, виновный будет привлечен к ответственности. Если нет доказательств – говорить и предполагать можно что угодно, что мы, в силу региональных особенностей, нередко



Официальный сайт

Следственный комитет Российской Федерации

наблюдаем. Очень часто в Иркутске в общественном пространстве можно услышать, что условный Иванов – законченный вор. Он может им и не быть вовсе, но кому-то выгодно представить Иванова именно в таком свете. Какое право у вас и у нас есть называть его вором, если нет доказательств?

- Потому что Иванова не садят из-за его связей.

- Смотрите, мы работаем с материалами, представленными органами оперативно-розыскной деятельности, а также материалами прокуратуры, налоговой инспекции, контролирующих органов. Мы сами первичные материалы не собираем, а оцениваем их. Следующее – если мы неправильно оцениваем материалы, есть прокурор, который надзирает за нами. Он может проверить и скорректировать любое решение следователя: либо отказ в возбуждении уголовного дела, либо его возбуждение. Даже если кто-то и предполагает, что и прокурор заинтересован в том, чтобы Иванов избежал наказания, есть еще и суды. Мне очень сложно представить условного Иванова, который мог бы воздействовать и на органы оперативно-розыскной деятельности, и на следователя, и на прокурора, и на судью, а также на их руководителей.

- Еще одно время у нас было много задержаний мэров. Почти всегда говорилось о попытке устранить неугодного человека.

- Из-за этого тоже я не устаю называть Иркутскую область уникальной. Действительно, тогда заговорили про политический заказ. А про то, что это обычная работа правоохранительных органов, речи не шло. За время моей работы в регионе к уголовной ответственности привлекли 49 глав муниципальных образований. Нигде в России такого больше нет. Причем, были достаточно интересные ситуации. Я как-то выступал перед Ассоциацией муниципальных образований Иркутской области, и напрямую сказал: *«Уважаемые главы, поймите, изменилась ситуация в Российской Федерации, не нужно совершать необдуманных действий, которые могут быть истолкованы, как коррупционные. Подумайте, пожалуйста, над этим»*. На тот момент было уже около 40 задержанных глав. Через три дня задерживаем при получении взятки мэра, присутствовавшего на этом разговоре. Удивительные люди.

- Еще массовые задержания будут?

- А они массовыми никогда и не были. Это все, так сказать, индивидуальные уголовные дела. Последние полтора-два года коррупционная активность резко снизилась. И привлечение глав в последний год – это какие-то разовые вещи. Сейчас мы изучаем материалы по нескольким главам, и некоторые из них, с большой долей вероятности, перерастут в уголовные дела.



Официальный сайт

Следственный комитет Российской Федерации

- Какие сферы наиболее коррумпированы?

- Безусловно, лес. Ситуация здесь не совсем стандартная. В прежние годы сложилась практика бороться с людьми, которые валят лес. Но они живут в этом лесу, и им больше вообще нечем заниматься, поэтому они всегда рубили, рубят и будут рубить. Вопрос тут лишь один – будут ли они делать это легально? А легально работать гораздо более выгодно, это показывают примеры Пермского края, Хабаровского, Красноярского, многих других. Легально лесозаготовкой там занимаются жители и выходцы с тех территорий, где лес добывают. Они же помогают школам, строят дороги, платят людям официальную зарплату и много чего еще делают. Ничего этого нет и быть не может, если добыча нелегальная. При нелегальной добыче также отсутствует лесовосстановление, без которого рубки являются просто варварскими.

- Это же очевидно, что не исполнители организуют рубки.

В этом-то все и дело, в том-то и вопрос, вследствие чего работа в этой сфере как подразделений полиции, так и следователей Следственного комитета два-три последних года была кардинальным образом перестроена. Здесь нужно понимать, какова структура лесного криминала в Иркутской области. Рубщики вообще ничего не решают, они – это первый этап структуры. Второй – пилорамы. В советские времена на всю область было ограниченное их число, о них знали все. Их задача заключалась в первичной распиловке и производстве стройматериалов. В наши дни их основная задача, в том числе – перемешать легально добытую древесину с нелегальной. Их больше двух тысяч на территории области. Многие находятся на участках, отведенных под дачное или жилищное строительство. А что, главы поселений не знают о таких пилорамах на своих территориях? Пилорамы не могут существовать без их участия.

Третий этап – пункты приема и отгрузки леса. Когда мы с правоохранительными органами, в первую очередь, с полицией, начали работу по ним три года назад, проверили около 20 крупнейших. Ни на одном не было сертифицированного погрузочного оборудования. Вместо них – какие-то станины с советским двигателем без устройств безопасности, даже без тормозов. Ни одного сертифицированного автопогрузочного устройства, ни одного лицензированного крановщика. За забором ни одного из проверенных объектов мы не нашли хоть чего-нибудь законного.

- Значит, выгодополучатели – участники второго этапа.

И при этом они тоже получают копейки, беря объемами. Вот граница России с иностранными государствами. С той стороны к нам идут фрукты-овощи. С нашей стороны туда идет лес. Заграница перепродаст купленный у нас за копейки лес на бирже в разы дороже. Полагаю, это неправильно. Если повезет, участники второго и третьего этапов схемы покупают «Крузера», может, даже второго «Крузера», может, дом построят. Но никаких налогов, никакой социалки, никаких белых отчислений за черных лесорубов здесь нет. И при этом вывозится



Официальный сайт

Следственный комитет Российской Федерации

национальное достояние, и нормальных денег никто не получает. И когда мы работаем только по рубщикам в лесу – на что мы влияем?

- Ни на что.

И мне кажется, ни на что. Поэтому изменили схему работы. За два года еще до введения чипирования, полагаю, только на общей работе правоохранителей налоговая отдача с одного куба леса выросла с 84 до 240 рублей – почти втрое. В разы выросли поступления от аренды лесных участков. А мы сделали только самые простые вещи. Раньше при проверках один и тот же комплект документов на древесину возили через всю область по разным делянам и пилорамам, чтобы показать, будто разрешения есть. А когда мы стали проводить частные проверки, которые, по идее должны делать контролирующие органы, подобная практика прекратилась. Многие предприниматели поняли, что в свет выйти гораздо проще. И мы ведь помним, как в СМИ обсуждались караваны лесовозов, которые шли через пост ГАИ, и водители непонятно с какой целью заходили на этот пост, а потом ехали дальше. Вы читали об этом за последние два года?

- Нет.

- И это не успех, и не результат, а самое начало работы. Но здесь возникают трудности у лесозаготовителей, вышедших в легальную плоскость. У них, в силу специфики, образуется большой кассовый разрыв и подолгу нечем платить рабочим. Эту проблему решили в других регионах. Порядок наводился жестко, но в этом участвовали и сами регионы: они субсидировали лесозаготовительную деятельность, чтобы там всегда была оборотка, и это решило массу проблем. В Иркутской области этот вопрос, насколько мне известно, серьезно не поднимается. Поэтому ситуация такая, что без поддержки предприятий, без предоставления налоговых льгот, экономическая отдача от леса будет гораздо ниже той, которая могла бы быть. И желающих выйти из серых схем при отсутствии поддержки будет меньше. Сегодня в вопросах леса нужно решать не только надзорные и карательные вопросы, но и экономические. Я надеюсь, область начнет этим заниматься.

- В торговле землей тоже много денег. Что с делом Игоря Наумова?

Фигуранты знакомятся с делом. Оно громадное – 174 тома. Кто-то прочел чуть больше 100 томов, кто-то около 130.

- Скажите, по итогам этого расследования и по любым итогам судебного решения есть, чего опасаться тем людям, которые легально купили участки?

- Мне кажется, что не должны приниматься какие-то решения, которые могут навредить честным покупателям. Простите, я – обычный гражданин, много работал и заработал деньги на



Официальный сайт

Следственный комитет Российской Федерации

землю, построил дом, облагородил участок, плачу за все это налоги, здесь моя семья живет, почему у меня должны это забрать?

- Но процессы в судах против обычных людей идут.

- Следственное управление не инициировало ни одного такого процесса. Мы смотрели все эти участки, ни по одному из них не возникло вопросов – мы считаем, что люди купили их законно. Вопросы должны быть к тем, кто вывел эту землю на продажу и продал, понимая, что она краденная.

- То есть вам тоже кажется, что закон и здравый смысл не всегда идут рядом? Как в этом случае.

- Государственные органы зарегистрировали эту землю у всех собственников. Может быть в чем-то регистрирующие органы тогда ошиблись, но не эти люди должны за ошибки этих органов платить. Все иски к жителям – это не компетенция Следственного комитета, и я не могу комментировать позицию других структур, но позиция следователей такова, что правовые механизмы мирного решения вопроса для жителей домов вдоль Байкальского тракта существуют. Пусть эти люди живут счастливо.

- Почему бывает так, что решение суда явно не соответствует тяжести преступления? Мы недавно писали про историю в Усть-Куте, где рецидивиста задержали по подозрению в убийстве человека, который считался пропавшим без вести. Задержанный неделю сжигал тело в бочке, а в итоге вместо приговора по 105 статье получил по 109 – около года лишения свободы.

- Значит, смогли доказать преступление только по 109-й. Приведу пример. Один человек бьет другого по голове, и тот умирает от удара – это статья 105 за преднамеренное убийство. Один человек бьет другого по голове, тот умирает через месяц в больнице – это, как правило, 111 часть 4 за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, повлекшее по неосторожности смерть потерпевшего. Один человек бьет второго по голове, тот падает, ударяется о бордюр и умирает – это же, как правило, 109 статья за причинение смерти по неосторожности. Действия одни, результат один, а наказание – либо 15 лет лишения свободы, либо условный срок. Помните историю с убийством Александра Ходзинского в Тулуне? Журналистское сообщество очень возмущалось относительно мягкому приговору. Но другого не могло быть. Сначала местная экспертиза дала заключение, что преступление было совершено в состоянии аффекта. Следователь засомневался и направил обвиняемого на судебно-психиатрическую экспертизу в институт судебной психиатрии имени Сербского. Оттуда пришло то же заключение – аффект. Выше этой экспертно-психиатрической инстанции в России нет. Поэтому статья была за убийство в состоянии аффекта. Никакой общественный резонанс ничего с этим поделать не сможет.



Официальный сайт

Следственный комитет Российской Федерации

- А среднестатистический убийца из Иркутской области – он какой?

- Пьяный. Основная масса убийств в Иркутской области – бытовые. Но здесь очень много и тех, кто осужден пожизненно. Их число превышает среднее не просто в стране, а превышает абсолютные значения по всей Сибири.

- Почему так?

- Потому что уникальный регион. Видимо, сказывается давнее отсутствие стабильной крепкой власти и четких правил в обществе. В Иркутской области какой-то один порядок все никак не может установиться. Я вижу, как многие вопросы отработаны в других регионах, и как вообще не отрабатываются здесь.

- Что вы имеете в виду?

- Такое впечатление у меня сложилось при сравнении субъектов, где я работал. В Красноярском крае всегда была стабильная власть. В Кемеровской области региональная власть была очень сильная. В Иркутской области, у меня такое впечатление, общественные процессы, которые должны регулироваться региональной властью, во многом отданы на откуп самому обществу. Сегодняшняя структура преступности, состояние преступности в Иркутской области значительно отличается от общей картины по стране.

Я пришел сюда в 2013 году, мы более 400 уголовных дел в год по убийствам передавали в суд, а Москва – около 350. Но где Москва с 12 миллионами жителей, и где Иркутская область с 2,4 миллионами?

- Вы неоднократно указывали, что сейчас ситуация иная.

- Потому что наша совместная деятельность с органами полиции и прокуратуры в последние годы доказала эффективность. За пять лет снижение количества убийств практически в два раза. Сегодня статистика тяжких и особо тяжких преступлений соответствует средней по России.

- Что сделали правоохранительные органы?

- Стали очень активно привлекать к ответственности за нетяжкие преступления. Когда человек все время пьет у себя дома в деревне и потом держит в страхе ее всю, и ему ничего за это не бывает, то такие истории обычно заканчиваются очень плохо – такой человек кого-то убивает. Но перед этим он, как правило, совершает массу преступлений, за которые наступает относительно небольшая ответственность. Когда такому жителю дают понять, что он за проступок понесет наказание, когда посидит на скамье подсудимых или под стражей, у него начинает работать голова, и он собственным умом доходит, что нужно пересмотреть свое



Официальный сайт

Следственный комитет Российской Федерации

поведение. Это действует на очень многих. Кроме того, в короткий срок раскрываемость убийств подняли с 80% до 96-97%. В настоящее время нераскрытые убийства – большая редкость. Здесь действует принцип неотвратимости наказания.

- В «уникальном» регионе должно быть уникальное Управление. Чем ваше отличается от других в России?

- Следственное управление Следственного комитета Российской Федерации по Иркутской области входит в систему Следственного комитета России. Это такое же территориальное управление, как и каждое из других. Но есть позиции, в которых управление передовое. Например, три года назад здесь создан экспертный центр. Эксперты проводят совершенно уникальные экспертизы, которые в стране делает вообще мало кто, а в Сибири - только мы. Это экспертизы, связанные с информационными технологиями: со всеми компьютерами, телефонами, любыми другими средствами связи и передачи информации. И то, что мы вплотную приблизились к 100-процентному раскрытию убийств – во многом это заслуга данного подразделения.

- А точнее, что делает подразделение?

В первую очередь обрабатывает колоссальные по объему базы данных. Это передовая аппаратура и технологии, в настоящее время, лучшие в мире.

- Ну, например, что вы умеете делать сейчас?

- Например, обрабатывать огромные массивы информации из абсолютно разных источников: биллинги, соцсети, камеры видеонаблюдения; сводить информацию в одно, анализировать по разработанным алгоритмам и, в результате, из массива информации получать то, что нам необходимо.

- Вы можете определить анонима в сети?

- А аноним в сети – это кто?

- Человек, который под вымышленным именем пишет, например, какие-нибудь гадости про других.

- Конечно, можем определить. Любую информацию с любого компьютера или другого носителя мы можем получить и связать ее с автором.

- Сейчас некоторые сетевые активисты могут огорчиться. А если данные с компьютера или телефона удалены?



Официальный сайт

Следственный комитет Российской Федерации

- Если человек переустановил систему и раз пять перезаписал какие-то данные, нам будет сложнее. Другое дело, что писать гадости в сети – это не преступление, и решением подобных задач наши эксперты на практике не занимаются. Их задача – работать для раскрытия тяжких и особо тяжких преступлений, подследственных Следственному комитету России.

- Неужели не возникало соблазна выяснить, кто что-то пишет и распространяет, в том числе о вас?

- Но это не будет соответствовать процессуальному закону, поэтому делаться в принципе не может. Да и зачем? Может, человек искренне так думает и пишет. Может, он получает деньги за то, чтобы так думать и писать. Это его жизненная позиция или должностные обязанности. Я не считаю важным обращать на это внимание.

- После стольких лет работы с худшими представителями общества вам не стало тяжело любить людей?

- Нет. Хотя, попадают разные люди, кого-то из них людьми назвать сложно. Через меня в Красноярском крае примерно за 15-20 лет прошли абсолютно все, кого можно назвать маньяками. Их было много. Я считаю, что это психически больные люди. Даже если экспертиза признает такого человека вменяемым, я думаю, что он не является психически здоровым. Бывает другое. Когда здоровый во всех смыслах человек вовлекает в преступную деятельность, например, свою дочь, а когда его задерживают, он первым делом дает против нее исчерпывающие показания, чтобы смягчить наказание себе. Все это тяжело воспринимать. Подобное отношение к своим детям я, как человек, не понимаю.

- А к другим детям? Вы всегда говорите, что у нас в плане заботы о детях все очень плохо.

- По этому вопросу я выступал в Законодательном собрании Иркутской области, общался с многими депутатами по этой теме. Вот Бурятия. Там бюджет намного меньше бюджета Иркутской области. Чем можно удержать подростка от ошибок, которые перечеркнут его жизнь?

- Спорт?

- Как правило. Во-первых, у пацана, который занимается спортом, есть тренер. Если это нормальный тренер, то он станет парню вторым отцом. Во-вторых, любая спортивная секция – это всегда порядок и дисциплина. Вот Бурятия. В ней на спортивное развитие одного ребенка при гораздо более скромном бюджете выделяют практически вдвое больше денег. А в Красноярском крае эти же траты выше в 10 раз. Почему здесь по-другому? Бюджет маленький? Нет, бюджет большой, он растет. Вопрос в приоритетах.



Официальный сайт

Следственный комитет Российской Федерации

- Спорт заменяется криминальной культурой?

- В том числе и ей. АУЕ в какое-то время пошло. У правоохранителей есть критерии оценки подобных объединений. Существует два основных типа поведения детей. Первый – это когда возникает новое движение, пацаны пробуют и понимают, что им это не интересно. В таком случае объединение распадается. Меньше всех влиянию извне подвержена как раз спортивная молодежь. Ей гораздо интереснее развивать себя, чем играть в блатных. Потому, что у них формируются собственные идеи, они живут, как хотят, и ни от кого не зависят. Иркутская область – другая. Если ячейки АУЕ возникают, то без вмешательства власти и правоохранительных органов они не распадаются – это второй тип. Мы расцениваем это так, что дети Иркутской области зависимы от внешних факторов и не могут высказать свое мнение против навязываемой субкультуры. В свою очередь репутация региона, где пацаны не имеют своего слова – это очень плохая репутация. Это что за пацаны, которые слова не имеют? И именно здесь подобное есть. Почему так? Потому что крайне недостаточно спортивного воспитания, крайне недостаточно патриотического воспитания, и эти направления крайне скудно финансируются.

- Начальник иркутского СИЗО №1 Игорь Мокеев рассказывал, что сидельцы из Забайкалья пытаются навязать свои порядки нашим малолеткам в Ангарской колонии для несовершеннолетних. Он тогда тоже отмечал, что там все больше рафинированных местных ребят.

- О том и речь – нет стержня. Кстати, за два последних года власти Забайкалья значительно продвинулись в решении проблемы АУЕ. Они начали выделять деньги на спортивное воспитание. Под это дело создавалась отдельная структура, и она работает. В отличие от Иркутской области, где вопросы детства в целом, как мне кажется, мало кому интересны. Смотрите, мы имеем двукратное увеличение детских самоубийств в Иркутской области в прошлом году. В Москве 28 и в Иркутской области 28. Приведу типичный пример. После смерти парня опрашиваем его друзей, учителей, выясняем, как пацан жил. А ответ стандартный: «Крепкий парень Вася жил в деревне, Вася очень хотел заниматься спортом, в частности лыжами. А мамка получает мало, и на лыжи денег нету. Лыжная секция в школе перестала существовать потому, как деньги перестали выделяться, а старые лыжи со временем пришли в негодность, и Вася сидел дома. Пока сидел дома, гонял всякие мысли, и догнал, что нужно убиться. Хоронили всей деревней». Ситуация будет иметь развитие, потому что адекватных мер до сих пор никем не принимается. Меня это возмущает.

- Схожая ситуация, наверняка, много где.

- И много где она решается. В 2009 году в моем родном Красноярске ввели программу «Турник – в каждый двор». Там во дворах устанавливают спортивный инвентарь за 25 тысяч рублей.



Официальный сайт

Следственный комитет Российской Федерации

Это турник, рукоход, скамья для пресса и брусья. 250 тысяч рублей – это 10 объектов. 2 миллиона 500 тысяч – сто объектов. И тысяча объектов за 25 миллионов рублей. Что это за деньги для бюджета? Там пацаны не сидят на скамейках с пивом, а занимаются, спорт стал массовым. Еще раньше там же стартовала программа «100 спортивных площадок в год». Один год – 100 площадок, три года – 300 площадок. А сколько в наших городах установили спортивных площадок за три года?

- Поменьше.

- Рядом с вашим домом есть спортивные площадки?

- У нас нет, есть в соседнем жилом комплексе, там новостройки.

- А там – везде. Что мешает сделать то же самое здесь? Почему не вкладывают в это деньги? Потому что не считают нужным. И потом фиксируем статистику с самым большим числом самоубийств подростков в России.



- Вы неоднократно рассказывали о том, что с преступностью против детей у нас все плохо.

- С начала 2018 года от преступлений взрослых в Иркутской области погибло 98 детей. Это худший показатель в стране. Вся негативная статистика, касаемая смерти детей, по отношению к детям у нас наихудшая в России. И мы ничего кардинально в этом направлении не делаем. Кардинально ни-че-го.



Официальный сайт

Следственный комитет Российской Федерации

- С вами многие не согласятся, меры все-таки применяются.

- Эти меры нельзя назвать достаточными, они не меняют ситуацию в корне. Кому-то в Иркутской области не стыдно за такое положение дел, а мне стыдно. Цифры-то страшные, а я оцениваю их. Это мы еще не говорим о дикой ситуации с сексуальными преступлениями против несовершеннолетних.

- Вы никогда не обходите эту тему.

- Потому что в любом регионе России процент сексуальных преступлений против детей из общего числа преступлений против несовершеннолетних – это 6-8%. В худших по развитию странах – около 50%. В Иркутской области за прошлый год – более 50%. Вы понимаете? Ежегодно мы изолируем по 300 преступников, которые надругались над детьми, находим их в 100% случаев. Это теперь нет ни одного нераскрытого преступления, но при переводе в Иркутск я испытал шок. Был случай на территории, когда малолетняя девочка попала в больницу с множественными травмами, с разрывами органов. Против нее совершил насилие сосед. Девочка месяц провела в больнице, ей сделали три операции. Родители об этом никому не сообщили, педагоги, больница не сообщила, вообще никто не сказал ни слова. Когда мы узнали об этом факте, что ответили родители девочки?

- Что?

- «А че такого?». Это в сотне километров от областного центра. «А че такого? Не убили же, о чем заявлять?», - ответили родители. После этого случая сотрудники управления СКР совместно с полицией обходят территории и объясняют элементарные вещи, что изнасилование малолетних – это очень тяжкое преступление. Года 23-24 за него дают. Только после этого число заявлений по преступлениям против половой неприкосновенности детей в ряде территорий за год выросло в 7-8 раз. То есть раньше об 1/8 заявляли, а о 7/8 молчали. Теперь раскрыты эпизоды и десятилетней давности, и выясняется, что количество потерпевших исчисляется сотнями.

- Как вы считаете, смертная казнь нужна?

- Я считаю, нет. Пожизненное заключение ее заменяет в полной мере. Еще раз повторю – мы не провидцы и можем ошибаться. В моей практике был случай, когда при расследовании убийства все сходилось на одном человеке, было стопроцентное убеждение, что именно он виновен, потому что все улики были против него, десятки серьезнейших доказательств. Но в итоге мы собрали материалы на настоящего виновного. Я считаю, что одно из лучших моих достижений в Иркутской области – это то, что мы перевели следствие на совершенно другую идеологию. Были времена, когда доказать совершение преступления человеком было единственной целью следователя. Я требую от подчиненных, и они меня в этом поддерживают,



Официальный сайт

Следственный комитет Российской Федерации

что главная наша задача – не доказать, а разобраться. Мы должны, прежде всего, понять, что произошло. Когда мы перешли на этот принцип, значительно возросло и качество следствия.



- Вы довольны своей работой здесь?

- Мне очень интересно здесь. Особенно интересно, что виден результат. Есть такие регионы, в которых что ни делай – все останется по-прежнему. Здесь огромное поле, куда можно приложить силы. Опять приведу пример с детьми. В 2012 году было более 900 уходов несовершеннолетних из детских учреждений. Управление плотно отработало эту тему совместно с областными Минобразования и Минсоцразвития. Количество ушедших сократилось с 900 до 170. По детским грабёжам отработали совместно с полицией и прокуратурой. За четыре года количество таких преступлений снизилось в 3,8 раза. Детские разбои сократились в 3,2 раза. А количество нераскрытых преступлений в отношении детей за пять лет снизилось в 11 раз. Мне нравится наблюдать, когда применяешь какой-то новый инструмент в работе, и это меняет ситуацию в лучшую сторону.

- А следователи вами довольны? Говорят, вы не очень компромиссный руководитель.



Официальный сайт

Следственный комитет Российской Федерации

- Наверное, жесткий руководитель. Стараюсь нормально разговаривать, но говорят, что лучше бы кричал. Я очень уважаю своих подчиненных и не допускаю какого-то унижающего отношения, потому что по-настоящему всех их уважаю, и их работу. Люди, отдавшие службе годы, очень во многом себя ограничивали и продолжают ограничивать. Я сам больше десяти лет не ходил в отпуск, и понимаю, в каком напряжении приходится работать следователю. То есть формально можно взять отпуск, но по факту ты находишься на работе, потому что что-то где-то обязательно случается. Я, как правило, уезжаю с работы не раньше 10 вечера. В субботу полдня отдыхаю, а воскресенье у меня рабочее.

- Кто идет работать в Следком?

- Выпускники юридических факультетов. Однако из-за строгого отбора проходит один человек из 20. Многие отсеиваются после психолога и полиграфа. Часть уходит сама в первое же время, переоценив силы. Но штат у нас сейчас укомплектован на 100%, и кандидатов – очередь.

- У кого нет шансов устроиться в Управление?

- В кандидате не должно быть лживости, склонности к совершению корыстных преступлений, к суицидам, наркотикам, к начальствованию. Бывали раньше такие, которые пытались зайти на должность только для того, чтобы ее продемонстрировать. Ну и зарплата здесь хорошая.

- Сколько?

- В районе 60-70 тысяч, но идут сюда совершенно точно не за зарплатой.

- Потому что некогда ее тратить?

- Здесь ты себе не принадлежишь из-за постоянных ночных absenteeism дома, работать приходится сутками без сна или с небольшим перерывом на него. Нет, не тот случай, когда идут за зарплатой. Я уже говорил, здесь очень интересная работа. Остаются только те, кто, действительно, ей предан.

- Но зачем добровольно идти в структуру, которая во всем ограничивает человека? Ни сна, ни отдыха, ни праздников.

Ну, кто-то любит разгадывать головоломки. Кто-то любит раскрывать преступления. Мы все выбрали второе. Правда, головоломки – это тоже интересно. Но на них нет времени.

ИА «ИркСиб»



Официальный сайт

Следственный комитет Российской Федерации

10 Июля 2018